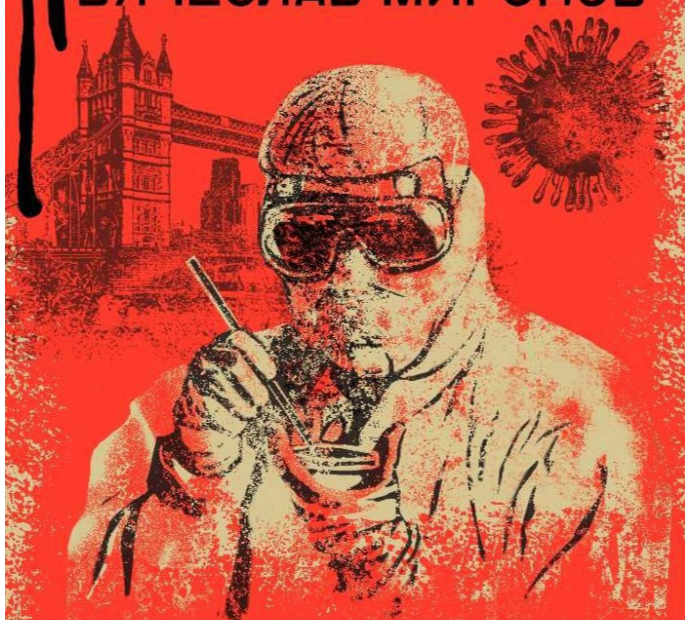

ВИРУСНЫЙ ТЕРРОР

ВЯЧЕСЛАВ МИРОНОВ

ИДЕЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВИРУС В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ МАССОВОГО
ПОРАЖЕНИЯ НЕ ДАЕТ ПОКОЯ ЗАПАДНЫМ СПЕЦСЛУЖБАМ УЖЕ
НЕ ОДИН ДЕСЯТОК ЛЕТ

Вячеслав Николаевич Миронов
Вирусный террор
Серия «Контрразведчики ФСБ.
Охотники на предателей Родины»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51703103
Вирусный террор / Вячеслав Миронов: Эксмо; Москва; 2020*

Аннотация

В Службу внешней разведки поступает крайне тревожная информация: готовится беспрецедентная террористическая атака на Китай и Россию. В планах террористов распылить вирус чумы на территории Дальнего востока, что неминуемо приведет к заражению сотен тысяч мирных граждан. Разведчики начинают расследование и вскоре делают шокирующее открытие: террористов спонсируют правительства крупнейших европейских государств. Ситуация накаляется, дело идет к войне. В Лондон срочно вылетает лучший сотрудник СВР. Ему приказано на месте разобраться в ситуации и не допустить глобального политического кризиса...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

74

Вячеслав Миронов

Вирусный террор

За окном где-то далеко шумел бразильский карнавал. В душе плескалась юная мулатка – прелестная дева, с которой я познакомился несколько часов назад.

Приятно после жаркого секса опрокинуть стопочку обжигающего рома, отхлебнуть горячего кофе, закурить сигару, открыть ноутбук. Ощущаешь себя настоящим самцом. Тем паче, что прелестница в душе в два с лишним раза моложе тебя.

Еще полгода назад готовился на пенсию. А тут такой шанс... Крайнее поручение. Последнее задание. Да, как хочешь обзови. Просто мне сейчас хорошо. Несколько месяцев в Африке. И как награда три дня в Рио. Хочешь потерять-ся, сменить личность, сбросить «хвост» – добро пожаловать на карнавал в Рио-де-Жанейро. Сейчас март. В Москве слякоть. Мужики с выпученными глазами носятся по магазинам, сметая с полок все, что можно подарить женщинам. А здесь... Все иначе. И мне нравится в Рио. По графику через два дня вылечу в Париж, оттуда – Пекин, потом – Астана, а оттуда уже домой. На 8 Марта, конечно, не попаду, но оно и лучше. Дешевле обойдется.

Попивая кофе, попыхивая сигарой, я проверял электронную почту. Много всякого спама. Одно письмо привлекло

внимание. С портала порнографии типа «Большие азиатские сиськи». Зашел на сайт, там большое количество анкет. Набрал дату своего рождения. Есть такая анкета.

Не повезло мне. Старая толстуха в своем видеообращении обещала неземное удовольствие в онлайн общении и при реальном контакте. Скачал на компьютер видеоролик. Посмотрел еще раз. Поморщился.

Для юнца в пубертатном возрасте эта перезревшая дама будет счастьем... ну, а я... не выпью столько. Хотя, если Родина прикажет – исполню долг! Приказы не обсуждают, а исполняют.

Взял свой телефон, вытащил сим-карту, перекачал с компьютера на телефон видеоролик, набрал комбинацию цифр, и вот оно! Сообщение. «06.03.2010 г. фавела Росинья кафе Хосе Родригес». Нет опознавательного знака, нет пароля. Будет тот, кто меня знает. Надеюсь, что и я его знаю. Хотелось бы уже со всем этим делом покончить и уехать домой.

Стер из телефона, с компа всю информацию.

Еще в Школе нас назубок заставляли изучать географию столиц стран. Если предстоит работать где-то конкретно, то все новости этого города изучаются. Часами изучаешь новые дома, новые улицы. Город как живой организм. Что-то умирает – сносится, что-то строится.

Фавела Росинья сейчас стала безопасной. Относительно, конечно, как и все в нашей жизни. Это раньше, как и все, фавелы были криминогенными. А Росинья – самая что ни

на есть столица криминалитета. Даже фильм был снят «Город бога». Во время карнавала там много иностранцев. Вроде пугалки-страшилки для взрослых. Мол, опуститься на самое дно столицы Бразилии. Там можно найти дешевых проституток, наркотики, можно встретить целую колонию художников, одним словом – экскурсия для любителей острых ощущений.

Наконец красotka вышла из душа. Узенькое полотенце лишь прикрывало живот. Она его кокетливо двигала вверх-вниз, пытаясь прикрыть по очереди свои прелести. А зачем их прикрывать?! К черту! К черту полотенце! К черту условности и запреты! Это моя последняя командировка! И эту девочку я буду помнить всегда! И секс-марафон опыта и юности продолжился...

Вечером я вышел в неспящий город. Смешался с толпой. Снова знакомство... Я же изображаю старого французского секс-туриста. Надо придерживаться легенды. Благо хоть натурала, а не стареющего педика. Вот тогда сидел бы в номере и пил бы беспробудно ром.

У подножия холма стояла толпа туристов. Им хотелось окунуться в бездну криминального разврата. Домики, домишки облепили высокий холм снизу, казалось, что там даже улочек нет. Мотоциклисты и мототакси за умеренную плату брались доставить вас в центр преступного мира Бразилии.

Слышалась речь со всех концов мира. Русская речь то-

же присутствовала. Если европейцы жались кучкой и озирались, рассматривая исподволь устрашающих мотоциклистов в кожаных жилетах. На теле были татуировки, шрамы, пирсинг. Вид угрожающий.

Только русские держались как дома. Похлопывали роке-ров по плечам, фотографировались с ними. У некоторых русских были татуировки. Они сравнивали их с местными.

Изображая французского туриста, я смешался с толпой туристов. Русские рассаживались по мотоциклам. Некоторые в пьяном угаре пытались сесть за руль.

Подошел автобус, туристы загрузились. В автобус подсе-ли местные сутенеры, драг дилеры, они рекламировали свой товар. Кто продажную любовь, кто наркотики.

Я попросил остановить за пару кварталов до нужной оста-новки. Привычка. Дальше в гору пошел пешком. Ушел с центральной улицы, углубился в кварталы. На крупных пе-рекрестках стояли полицейские и солдаты. То, что все во-круг было на шпиговано конфиденциальными источниками как правоохранительных органов, спецслужб, так и воротил теневой жизни, можно было не сомневаться.

С видом праздного гуляки вертел головой. Не хватало еще получить удар ножа в спину. А вот и нужный адрес. Полу-темное помещение. Грязь. Туристы редко сюда заглядывают. Пара туристов все же сидит в обнимку с местными красот-ками.

– Привет!

Бармен молча смотрел на меня, стряхивая пепел от сигареты просто на пол за барную стойку.

— Бутылку рома и фейжоада. И... добрую сигару!

Деньги на барную стойку. Сдачу сгреб в карман. Продолжаю изображать туриста-идиота. Сел за стол. Попутно прикидываю, что мне может пригодиться в качестве оружия. Благо, что острых специй на столе предостаточно. Глаза выест мгновенно. В любом кафе-ресторане много чем можно обороняться. Только вопрос, какую задачу ставишь перед собой. Или ты изображаешь крутого мужика и убиваешь двоих-троих, или туриста-неумеху, который последний раз дрался в школе. Тут нужно размахивать руками, жаться в угол, попутно, совершенно случайно, выводить противника из строя. Не убивая. Лишь обездвиживая. Случайно так должно получиться. Естественно.

Налил на два пальца ром в мутный стакан. Понюхал. Бр-р-р! Мой «французский» нос передернуло. Пил, конечно, и похуже. В этом районе ром готовили из старых сандалий умерших рабов-туристов. На вкус... Такой же. А вот закуска очень даже ничего.

Откинулся на жесткий плетеный стул. Ром быстро достиг мозга. Хм-м-м! В принципе, неплохо! Еще глоток. Уже хорошо. Раскурил сигару.

До встречи оставалось не более пяти минут.

Моя последняя командировка. Даже не «крайняя», а именно последняя. Из крайней ты вернулся и через некото-

рое время снова куда-то едешь. А тут... А тут последняя. Потом на пенсию. Возраст сорок шесть. Полковник. Можно было и до пятидесяти служить. Но! «Оптимизация штатов». Слово-то какое поганое придумало «поколение Пепси». Оптимизация. Не сокращение.

Почти за год всех, кому за сорок пять, собрали в одну группу. Обозвали их контролерской группой. И стали готовить к пенсии. Мы называли себя «кондукторами». Задача вроде непыльная: мотаться по свету и, не привлекая к своей персоне внимания, следить как сотрудники или источники исполняют задание. Они об этом не знают. Например, в назначенное время источник должен пройти мимо столба и нанести куском мела, губной помадой метку. Сидишь в кафе или доме напротив, наблюдаешь. Ведешь контрнаблюдение. Нет ли «хвоста», то ли тело пришло. Как себя ведет. Насколько естественное или мотивированное движение.

Иногда приходилось и зачищать. Вчистую. Когда агент оказывался двойником или откровенным предателем. И его деятельность ставит под угрозу жизнь сотрудника. Вот тогда мы и выписывали «билет в один конец». Наверняка где-то в тени находился еще один «кондуктор», который наблюдал за мной. И если что-то шло не так, в отличие от намеченного плана, то он был готов... Готов меня зачистить или прийти на помощь. В зависимости от поставленных задач.

Откуда знаю? Сам наблюдал, как мой сослуживец изображал уличное ограбление с летальным исходом. Задача была

простая. Не справится он сам – прийти на помощь. Потом ликвидировать коллегу. Только уже не ножом, а с помощью пистолета. Наблюдать, как коллега бьет ножом не профессионально, с одного удара, а бестолково. Отслеживать, фиксировать, как держит нож, откуда пришел, как ушел, не тошнило ли его. Много чего. Потом в отчете все изложить. И ходить по коридорам, здороваться, улыбаться, шутить. За кем наблюдал – хлопать по плечу.

А сейчас я окольными путями возвращался из Африки. Не мое задание было. А пришлось перестраиваться на ходу. Чем раньше занимался? Если одной фразой – военным туризмом. Увидели, допустим, со спутника, что в таком-то безлюдном районе земного шара развернулась большая стройка. И непонятно чего там. Вот ты и вывернись и узнай точно, что там. Военная база? Пусковая шахта? Или добывают полезные ископаемые? А какие полезные? А насколько они полезны? А можно ли там устроить диверсию. А то начнут добычу и производство и перестанут в России покупать эти самые ископаемые? Какие фирмы там работают? И много чего еще.

Вот и сейчас за Африку развернулась борьба. Точнее не за сам континент, а за недра его. И борются между собой Китай и США. Европа тоже пытается воздействовать на свои бывшие колонии. Но Штаты работают умно, с перспективой на будущее. Они борются не только за недра, но и за души людей. Например, стало известно, что в стране Мумба-Юм-

ба имеются залежи очень ценного минерала. Он сейчас есть, но его потребление растет. Есть перспектива роста рынка. Соваться туда просто так – опасно. Аборигены настроены не очень-то дружелюбно. Вызываются представители церкви. Католическая церковь успела себя скомпрометировать скандалами. Да и в Африке на генетическом уровне помнят работорговлю при молчаливом потворстве католиков. Мормоны тоже, вроде как пугают народ.

Баптисты, протестанты – вот новый авангард. Им дают деньги. Они выезжают в этот район. И строят больницу, школу. Обращают население в свою веру. Самых талантливых детей вывозят в Штаты, Европу, обучают совершенно бесплатно. Из кого-то делают пастырей своей церкви, из кого-то – медицинских работников, учителей, политиков прозападного толка, чтобы они вернулись домой и, сами того не ведая, стали «пятой колонной», когда придет время добычи того самого природного минерала. Пройдет каких-нибудь пять-десять лет, и регион уже готов принять американскую помощь. Если надо, то там и переворот устроить можно.

И где появляется миссия, там уже крутятся установленные разведчики США. Как цэрэушники, изучают политический климат. Прощупывают лояльность местных вождей, князьков, прорабатывают сценарии экспансии. И военные разведчики там же из РУМО (разведывательное управление министерства обороны) обретаются. Эти рассматривают регион с точки зрения развертывания военных баз, систем ПРО,

ПВО, аэродромов базирования или дозаправки самолетов. Много чего смотрят улыбчивые глаза американских разведчиков.

Где, например, разместить большой схрон под оружие и боеприпасы. Десант высадился, оружия с собой много не возьмешь. Но под видом гуманитарной помощи можно много чего завезти. Присматриваешь, где может сесть авиация или же в джунглях сделать вырубку под площадки для десанта. Или обработать гербицидами, чтобы там еще лет триста ничего не росло. Или рассмотреть вопрос о создании там военной миссии. Вот как только где-то появляется религиозная миссия, то наши разведчики тоже отправляются следом.

Не я должен был туда ехать, а другой. Но случилась досадная ошибка – ДТП в Катаре. И этот человек лежит в больнице со сломанной ногой и сотрясением мозга. Я вылетел чуть раньше для контроля. А получилось, что мне пришлось выполнять его задание. Был ли рядом «кондуктор» – не знаю.

И наши разведчики делают то, что бригада грязных шпионов из страны вероятного противника. И все в одиночку. У нас же «оптимизация штатов».

Моя командировка планировалась максимум на месяц, а растянулась на полгода.

Ничего хорошего нет в этой Африке. Прикрытием у меня было – пастор из Бразилии. Вот и возвращался я через Бразилию. И вот на тебе, стоп-машина! Куда меня теперь еще погонят? Если хотят «зачистить под ноль», чтобы пенсию не

платить, то в принципе фавела – хорошее место. Только не эта. Здесь слишком много полиции и армии. Есть и иные, куда власти, пусть даже вооруженные до зубов, опасаются совать нос.

Глоток, затяжка. Внешне расслаблен. Турист. Заинтересованный взгляд на девушек. В Рио я перестал быть пастором, а стал французским дантистом Поль Моро. Пятьдесят лет. Умею ли я лечить зубы? Умею. Натаскивали. Сначала на манекенах, потом на покойниках. Нескольким приговоренным к пожизненному заключению вылечил зубы. Так что здесь не подкопаешься.

Развалившись на стуле, пускаю кольца дыма в потолок. Ровные кольца на одинаковом расстоянии друг от друга плывут под углом вверх. Мое мастерство на несколько секунд привлекает к себе внимание девиц. Это хорошо. Я же турист. Мне хочется новых приключений. В том числе и сексуальных. Вот, девушки, смотрите, какой я седец! Я умею вот так!

Ровно в назначенное время в кафе ввалился турист в окружении двух красавиц. Он что-то громко говорил на ломаном португальском подругам. Потом, обращаясь к бармену, широко махнул рукой:

– Две бутылки лучшего шампанского!

Плюхнулся на стул за ближайший к барной стойке столик. Барышни, что-то щебеча, уселись рядом.

Турист сидел ко мне спиной. Но эту спину я узнаю в толпе. Командир! Генерал... Какая разница, какой генерал. Какая

у него приставка «майор», «лейтенант», «полковник». Генерал, и все!

За глаза Шефа называли Потапыч. Не из-за отчества. История одна была в командировке... Вот оттуда и пошло. Ну, уж если сам Шеф вышел на связь со мной... То или совсем худо в нашей Организации, или что-то произошло в мире, чего я не знаю.

Генерал совершенно не обращал внимания на окружающих. Он всецело был поглощен своими красотками. Он производил впечатление на них.

Вот даже достал сигару. Не местную, дешевую, а кубинскую, скрученную вручную. Карманной гильотинкой отсек кусочек сигары. Достал коробок спичек. Одной подогрел сигару, от второй не спеша прикурил, поворачивая ее вокруг оси. Без суеты. Движения опытного курильщика. Все очень красиво смотрелось со стороны. Первая затяжка. Облако ароматного дыма окутало столик и расплзлось по всему помещению.

Все посмотрели на Шефа и втянули ароматный дым, оценивая качество сигары. Все хорошо. И генерал молодец. Но я-то точно знаю, что он не курит. Я увидел все, что надо было увидеть. Встреча в 11.00 вечера. Две спички похожи на цифру «11». Обратная сторона спичечного коробка, когда сигара была раскурена, легла кверху. Значит, вечером. А название... Название было написано на коробке спичек.

Я увидел, что хотел. Надо уходить. Замахнул очередную

порцию антифриза под видом рома, положил мелкую купюру на стол под пепельницу. На чай. Недопитую бутылку рома прихватил с собой. Удаляюсь, не привлекая к себе внимание.

Заведение Rio Scenarium известное в городе. Центр города, работает ночью. Туристов там много, кухня великолепная.

Погулял по городу. Покрутился. Сложно проверяться в толпе – не висит ли у тебя «хвост». И знать надо наверняка. Вот праздный турист и шлялся по городу, отсекая слежку. Время. Время. Время. Его много для праздника и мало для работы. Возле ресторана полно народу, страждущих попасть внутрь.

– Мне заказан столик.

– На чье имя?

– Поль Моро.

Сверяются со списком.

– Да. Проходите.

Народ уже от души веселился.

Заказал выпивку, закуску. Как все, смотрел программу, аплодировал. Ровно в назначенное время меня хлопнули по плечу:

– Поль? Поль Моро!

Поднимаю глаза. Шеф.

– Старый потаскун! – говорит он на африкаанс.

– От такого слышу! – отвечаю я с акцентом.

На африкаанс разговаривают в Африке. В основном, в

ЮАР, Намибии. На остальной территории он также распространен. Как в странах бывшего СССР, когда нужно разным народам пообщаться, они говорят на русском. Ну а африканцы – на африкаанс. В командировке я поднатаскался в языке, но не так, чтобы вести непринужденную беседу. Больше слушаю и вникаю.

После падения режима апартеида в ЮАР белые эмигранты расползлись по свету. И язык встречался много где. И вроде нет ничего необычного, что два эмигранта встретились на карнавале. Со стороны очень прилично смотрится.

– Ну, как ты, Поль! Рассказывай! – Он пересел за мой столик.

– Я лучше послушаю.

– Какой ты хитрец! Ты все понимаешь, что я говорю?

– Пока понимаю. Если что-то не так, то спрошу.

– Надо еще покататься.

– Это пожелание?

– Ты когда-нибудь слышал от меня пожелание?

Он говорит весело, смеется. Периодически хлопает меня по спине. Два друга встретились. Говорят на малопонятном языке. Ничего страшного. Тут все говорят на родных им языках.

– Не слышал.

– Устал?

– Тебе-то не все равно? Жалеть будешь?

– Ага! И сопلي вытру! И утешу!

– Других под рукой нет что ли?

– Другие есть. Но их показывать нельзя. Похоже, что они засвечены.

– Все? – вот это новость! – изумился я.

Спина мокрая от пота. Всех сотрудников засветить! Этого не может быть! Что-то не так.

Потапыч скосил глаза:

– Что, не по себе?

– Ага.

– Помнишь полковника Полякова?

– Это не у нас. Он утащил с собой много информации, в том числе и по «кротам». Тогда провалы за провалом шли обвалом.

– Правильно.

– У нас свой такой отыскался?

– Так вот, у нас все сложнее. Ущерб еще не оценен. Но, предварительно, он такой, что Резун-Суворов, Гордиевский, Сметанин, Калугин и еще много кто не нанесли такого вреда.

– Он ушел?

– Ушел.

– И кто он? Я знаю его?

– Его никто не знает.

– Чего?

– Того. Одновременно исчезли четверо офицеров. Начальник архива. Начальник отдела департамента кадров. И еще двое...

– Не понял...

– А тебе понимать и нечего!

Пауза. Потапыч курит. Он хлопает меня по-приятельски по плечу. Только рука тяжелая. Плечо отваливается от этих похлопываний.

– Все имели доступ к личным делам сотрудников и к личным делам агентуры.

– Кому попало в руки?

– Американцам.

– Твою душу маму!

– Угу.

Пауза.

– А можно с этого момента поподробнее? И хватит держать мхатовские паузы.

– Ты что, Интернет не сморишь, не читаешь?

– Знаешь, шеф, когда я был на родине великого и могучего языка африкаанс, то у меня не было никакой связи. Только, пожалуй, голубиная почта. Но новообращенные христиане настолько голодны, что слопали бы божью птицу со всей моей почтой. Я здесь, – я взглянул на часы, – пятьдесят часов.

– Это не помешало тебе снять девку, вместо того чтобы изучать новости Интернета и анализировать.

– Угу. Последняя командировка. Для легенды. Не снял бы девочку, так пришлось бы самому сниматься как старому педик. Хватит мне пудрить мозги. Рассказывай!

– Не хами.

– Я в двух шагах от пенсии, как и ты, так что давай, выкладывай.

– Так вот, мой юный друг, если бы ты удосужился запустить анализатор, дайджест новостей, то узнал бы многое. Например, как в странах и окрест них, где намечаются цветные, особенно исламские революции, высылают наши резидентуры под крышей диппредств.

– «Пряников» тоже изгоняют? (разведчики под видом торгпредств).

– Их тоже. В этих странах и в соседних тоже. Списки исчерпывающие. И точно в цель. И еще... Нелегалов и агентуру арестовывают или «чистят». Провал за провалом. Громкие потери.

– Под ноль?

– Наголо.

Это надо переварить. Я плеснул себе в стакан ром. Глоток в полстакана, сигарету в зубы, затяжка в полсигареты.

– Ты пьешь и куришь как русский.

– Это точно – хмыкнул я. – И что с «кондукторами»?

– Наши дела были изъяты и готовились под сокращение. И неинтересны были мы. Пенсионеры. Поэтому только мы и остались невидимками. Но опять же все условно. Достоверно неизвестно может кто-то из пропавших и знал кого из отдела или всех.

– С каждой секундой все веселее и веселее, – я сунул си-

гарету в рот.

– Интересен способ доставки информации адресату.
Необычный.

– Ну-ка, ну-ка.

– Мальчишка двадцати лет, больной паранойей, угоняет у отца машину. С соблюдением всех правил доезжает летом до Украины. Там идет в посольство США и передает им большую флэшку.

– Да ну!

– Вот тебе и «ну»! Да!

– Слишком много риска.

– Но необычно.

– Очень необычно.

– И что с больным? – спросил я.

– Машина сбила в Киеве. Наглухо. Запаковали в цинк и родителям в Россию.

– Эксгумировали?

– Спрашиваешь. Всех экспертов на уши поставили. Наезд. Потом контрольный в голову. Дважды.

– Пули?

– 9 мм. Может, и ПМ. Пули на вылет. Не идентифицировать. То, что у покойного нет затылка, украинские патологоанатомы не заметили, тоже подозрительно. Родителям не хотели отдавать тело, предлагали похоронить или кремировать.

– Два раза для «контроля» что-то многовато.

– Согласен. Нечто вроде постскриптума.

– Пули кучно легли? Может, кто-то психовал. Вот и палил направо и налево? Хватило бы ДТП.

– Сам много не знаю. Вчера только ознакомился с бумагами. Никто глубоко и не копал. Пока еще. Нет сил, средств. Все боятся пошевелиться. В Офисе, как пошли провалы, сидят как мыши. Тихо. Лишь бы его не тронули. Поэтому излагаю только факты.

– Что известно про сотрудников, которые предположительно перебежчики?

– Вообще ничего. Пропали на следующий день после того как пацан вошел в посольство США в Киеве и вышел из него. Ушли на службу – и с концами. Семьи ничего не знают.

– И никто не знает, кто из них предатель?

– Абсолютно.

– Сговор исключен?

– Четверо? Не знаю. Вряд ли. Все в Центре на ушах. Погоны летят как осенью листья.

– А толку-то? Кто перебежчик, неизвестно. Нанесенный ущерб, исходя из доступа к информации, неизвестен.

– Урон максимальный. Задействовали законсервированную агентуру.

– «Консервы» в ход пошли?

– Еще как! Как авангард.

– Труба дело. Они же все завалят. Все и всех.

– А что делать?

– Ничего. Лучше никак, чем вот так. Сколько из них рабочих? Сколько не двойных агентов? Что они еще могут?

– Кто-то хорошо работает. Кто-то плохо. Но денег надо для них!!!

– Правильно. Они были законсервированы еще в годы социализма. Тогда и основа вербовки была «идейно-патриотическая», то есть бесплатная. Идеология кончилась. Теперь мир стал обществом потребителей. Услуги стоят дорого. И за протухшими консервами нужен пригляд? Так?

– Правильно. А контролеров осталось мало. Работы много.

– И уровень «засветки» возрастает. И возможность поимки тоже стократно увеличивается. Вероятность ликвидации тоже?

– Увеличивается! – командир с радостным видом хлопнул меня по плечу, как старый друг, вспомнивший забавную историю из прошлого.

– Я понимаю, что мы встретились не для того, чтобы ты мне рассказал, как провалы идут один за другим.

– Какой ты догадливый!

– И?

– Давным-давно, на закате советской власти, в Ленинграде, в Академии связи, обучался офицер из ГДР. Гауптман Ланге. Рихард Ланге, – проговорил шеф.

– Lange в переводе длинно. Предки, значит, у него знатные были. Большие. Длинные. Высокие.

– У этого Рихарда родословная, что у собаки с выставки. Мы с тобой в сравнении с ним – дворняги безродные. И сердце у него большое. Как фамилия. Любил он русскую девушку.

– Понятно. «Медовая ловушка»?

– Если бы, – усмехнулся Потапыч. – Девчонка была студенткой. Подрабатывала официанткой в пивнушке, что рядом с Академией.

– Так вроде холостых офицеров не направляли учиться?

– Этот – исключение. Семи пядей во лбу.

– Отличник боевой и политической подготовки?

– Что-то вроде того. Полиглот. Плюс прекрасно разбирался в связи, технике.

– Многостаночник, – похвалил я.

– Угу. Стахановец. И вот русская красавица разбила ему сердце. Вдребезги. Или он ей. Неизвестно. История, покрытая тьмой веков. Особист прознал про эти шашни. Грех не воспользоваться. Тем паче, что отчитаться надо по вербовкам иностранцев. Деваха напрочь отказалась от сотрудничества. Опер не нашел ничего лучше, как стукануть в комитет комсомола вуза. Девушку выгнали. Она уехала в свой родной город, черт знает куда. Ланге доучился. Потом уехал в свою Германию. Затем случилась перестройка, и сам помнишь финал. Ланге приезжал в 1992 году в Санкт-Петербург, пытался наладить какой-то бизнес – не получилось. Вернулся домой. Особо тогда и не отслеживали – ни сил, ни средств

не было, и все думали, как выжить.

– Искал девушку?

– Неизвестно.

– Судьба этой провинциалки?

– Сумели лишь установить, что особисты направили по адресу ее проживания бумагу. Что, мол, подстилка иностранная. Ни работы, ничего. Как раз перестройка. Еда по талонам. Девушка вскорости умерла, то ли от болезни, то ли еще отчего.

– Померла, значит, паночка.

– Померла. Померла.

– Как звали покойную?

– Татьяной.

– Ох уж мне эти провинциальные барышни! Все о любви мечтают. И огни большого города манят как мотыльков огонек свечи. Да и замуж за иностранца невтерпез, да, еще за офицера! Жаль девочку.

– Жаль. – Шеф кивнул – О ней прочитаешь сам на сайте. Там мало что имеется. Фото да выдержки из биографии.

– Сайт с толстыми уродливыми тетками?

– Понравился?

– Анкеты сам выбирал?

– Нет. Аналитики. Скажи спасибо им, что геев тебе не показывают. Или трансвеститов, транссексуалов и прочих извращенцев.

– Мы с тобой встретились не для того, чтобы ты мне рас-

сказал трагедию на заре перестройки?

– Правильно. Ланге вышел на связь.

– Больше двадцати лет молчал в тряпочку, а сейчас проснулся? Возвращение живых мертвецов? «Консервы» вылезают из жестяной банки?

– Хорошее сравнение.

– И как он вышел?

– Прислал открытку на указанный ранее адрес, при вербовке это было обговорено. Хозяин почтового ящика – бабулька, которая еще, наверное, руководителя царской охраны Зиубатова помнит. Раньше она на особистов работала. Потом ее за ветхостью возраста и произошедшими реформами списали на пенсию. В результате чего-то там ее дело попало к нам. Мы же теперь и платим ей пенсию как ветерану Второго колчаковского фронта. Пришла открытка, она позвонила особисту, и телефоны сменились, и человек исчез.

– С этого места поподробнее. Как исчез?

– Ушел на пенсию.

– Поясни. Ушел сам или «ушли» его?

«Ушли», у нас так часто говорили, когда зачищали сотрудника «под ноль».

– Сам ушел на пенсию. Воды много утекло. После развала Союза, он уехал на Родину. Украина. Питерскую квартиру поменял на киевскую. В столице Украины служил в местной «безпеки». Последнее упоминание, что подвизался консультантом в разведке в Монголии. Информация старая. Старин-

ная.

– Что-то много совпадений. Центр начал расконсервацию архивной агентуры, а тут сам один «мамонтов» выходит на связь. Не нравится мне все это. Я давно не верю в случайность совпадений.

– Случайности не случайны? Так?

– Сам-то, старый, веришь в совпадения на коротком временном отрезке времени?

– Как и ты. Не верю. Никому. И ни во что.

– И что там в открытке?

– Как положено. Тайнописью записано, что располагаю сведениями, которые спасут Россию от страшной трагедии. За информацию прошу три миллиона евро.

– Знаю я такую информацию. У английской королевы начался климакс, и она не сможет родить наследника для российского престола. И аппетит у этого немца в соответствии с его фамилией. Großen Appetit. Вряд ли какая информация стоит таких одноразовых выплат. Видать у мамонтов мозг вообще растаял после выхода из коматоза.

– Наверное. А теперь слушай боевой приказ. Тебе необходимо ровно через три дня прибыть в город Лейпциг. Там начинается ежегодная книжная ярмарка. 7 марта в 20.00 по адресу, который прочтешь на груди дамы азиатской наружности, состоится встреча. Расконсервированный агент из Штази встретится с самооттаявшим агентом Конфуцием.

– Это псевдоним braveго гауптмана с родословной потом-

ственного ризеншнауцера?

– Именно. Слушай дальше, – продолжил командир. – Ты – наблюдатель. Забронирован номер в социальном доме на твой паспорт. Отслеживаешь встречу. Ланге должны передать кредитную карту на пятьдесят тысяч евро. Аванс. После встречи бывший контрразведчик ГДР должен тебе позвонить. Просто один гудок и отбой. Тогда вы встречаетесь по другому адресу через три часа. Оцениваешь информацию.

– Как я ее оценю? По вкусу, запаху, цвету? Информация должна соответствовать нескольким критериям: относимость, что относится к компетенции. И вообще, при лучшем раскладе, что там звено цепочки многоходовой комбинации. И никто не знает, что это направлено против нас. Своевременность. Достоверность. Я не смогу оценить. Тогда смысл всего? Мне нужно тело рядом, чтобы оно могло сделать вывод. Я буду лелеять это тело. Охранять. За пивом немецким в лавку бегать. А в случае угрозы компрометации или захвата тело будет ликвидировано тихо и безболезненно. Легкий сон с приятными сновидениями. И все.

– Помощников, советников не будет.

– И даже, если я поверю, так я должен отдать деньги? Ты сам меня потом на дыбу вздернешь первым, требуя отчета за народные деньги!

– Вздерну! – Потапыч довольно хохотнул, отхлебывая ром большими глотками. – Старайся. Копай. В идеале – вывези

немецкого Конфуция к нам.

– Смотрю, за мое отсутствие в Центре многие сошли с ума. Как вывезти?

– Тебе и карты в руки. Думай.

– Запасной вариант?

– Если что-то не так – «чистка». Всех. Лучше не получить, но и не дать утечь к противнику.

– Где этот супершпион работает? Что известно о его новой жизни?

– В японском посольстве в Берлине. Водитель посла. Так как он полиглот, то, оказывается, знает японский язык. После разгона ГДР бывшему военному сложно найти работу. Вот и пошел в посольство. Уже много лет работает. Близко сошелся с послом. Друг семьи. Вот и предполагают наши аналитики, что это связано с нашим Дальним Востоком.

– М-да. Как его тезка Рихард Зорге.

– А вот ты теперь и разбирайся.

– Деньги я ему должен отдать или просто получить информацию и покинуть арену цирка с высокоподнятой головой. Или сразу... в расход? Как Гитлера из пулемета за сараем.

– По обстановке, – уклончиво ответил командир.

– Угу. Всплывает консервная банка из небытия. На встречу с ней идет другая консервная банка. И когда они взрываются, то рядом стою я. Если всех их пасет контрразведка или полиция, то я засвечен как на сцене. Меня берут под окорока и на вертел. Так? Ты сразу скажи, что мне не хотят пенсию

платить. Желают сэкономить бюджет пенсионного Управления. Или рядом будешь стоять ты или еще кто, и если что-то пойдет не так, сразу всех присутствующих распылить на атомы. Что молчишь?

– Не кипятись. Мне самому все это не по душе. Новые аналитики так предложили. Директор утвердил.

– Что за новые аналитики? Старые-то куда делись?

– В головной конторе сейчас бедлам. Правительство на-
травило всех собак на нас. Я же тебе говорю, что погоны, головы слетают ежедневно. У кого сдают нервы – уходят сами. У кого не сдают – увольняют по оргштатным изменениям. Сейчас пойдешь по коридору – поздороваться не с кем. Новые лица. Мальчишки-мажоры. Нос кверху. Делят командировки под прикрытием диппаспортов в США и Западную Европу.

– Пусть бы ехали в Лейпциг. А я бы – домой. По кухне соскучился и снегу.

– Да нет. Поработаешь немного здесь. Только имей в виду, что поддержки у тебя не будет.

– Ни авиации, ни артиллерии?

– И даже танкового взвода не будет. Один в поле, обмo-
таннй гранатами, против всего вермахта, БНД, полиции и
всей государственной мощи.

– Как в дешевых фильмах про шпионов: «И помогай Вам Бог!»

– Примерно так. Все будет изложено в инструкции. Пер-

вый раз такая командировка. Сам многое повидал. Но тако-
го...

– Так, что делать, если у меня на руках будет нечто? И как
я смогу оценить информацию?

– Ты по второму кругу пошел?

– Да хоть по двадцатому! – психанул я. – Три миллиона –
это не коробка пряников! И если ситуация потребует немед-
ленного вмешательства спецов? Что делать-то?

– Читай инструкцию. – Потапыч устало махнул.

Я закурил очередную сигару, внимательно посмотрел в
глаза командира. Под глазами мешки, кожа на щеках обвис-
ла, уголки губ опущены, вид усталый... Даже не усталый, а
побитый. Вид побитой собаки. Хорохорится, конечно, но я-
то его знаю не первый год. Да и в передрягах побывали та-
ких, что не должны были сидеть за этим столом. Друзьями не
стали. Не положено дружить у нас. Это мешает службе. Зав-
тра, кто знает, может, ты будешь зачищать друга или он тебя.
Чтобы рука не дрогнула, чтобы совесть не мучила. Приказ
есть приказ. Но боевыми товарищами мы стали.

– Что, все так плохо?

Шеф ничего не сказал. Я не должен задавать ему такой
вопрос. Он не должен отвечать. Командир покривился, мол,
все уже достало.

– Извини. Рядом меня не будет. Сам.

– Да я полгода один. Без связи.

– Будет хуже. Выпьем?

– Выпьем!

Чокнулись. Ром вылетел из стаканов и перелился из одной в другой. Так и положено пить друзьям – залпом. Мною сделана пара затяжек.

– Пора!

Командир встал из-за стола. Мы как старые друзья обнялись. Со стороны все естественно. Прощаются два старых друга. Приехали в секс-тур два старпера, случайно встретились и расходятся по своим путанам. Не любят дедушки групповой секс. Старая формация. Кого это интересует на этом международном празднике жизни!

Командир ушел. Не исключено, что нашу встречу фиксировали. Услышать в этом хаосе что-либо невозможно. Но можно снять на видео. Потом отдать спецам, и те по губам прочитают. Потапыч говорил в стакан, держал мотивированно тару у рта. То справа, то слева. Я также прикрывал рот стаканом и дымом сигары. Через густой дым ничего не увидишь и не прочитаешь, даже если обрабатываешь в инфракрасном фильтре. Выдыхаемый дым горячее температуры тела, так что картинка будет смазана.

Несмотря на нашу оживленную беседу, по привычке отслеживали постоянно сменяющуюся обстановку. Публика пьяно перемещалась по залу. Но, как казалось, все было тихо.

Может, кто-то и из Организации фиксировал нас. И какие у него задачи – Бог знает: прикрывать нас от излишней

любопытности контрразведки местных. Или, если рядом пристроились разведчики других государств, то тогда ценой своей свободы, а то и жизни ему следует сорвать наблюдение, организовать эвакуацию товарищей.

Я сам неоднократно и прикрывал встречи и контролировал, чтобы проходили по инструкции, докладывал в Центр, а там уже принимали решение. Это в кино работа разведчика: деньги, девочки, казино, погони, пальба. Пострелял и тебе ничего. Угу. Попробуй пострелять в любой столице мира на оживленной улице и уматывать от полиции. Если нужно отвлечь внимание на себя, дать оторваться товарищам, то тогда можно. И то глупо.

Живая работа, со стороны тоска полная. Сидишь, смотришь, ходишь-бродишь, говоришь тихо, улыбаешься и подбираешься к информации. И о каждом шаге докладываешь в Центр. Воздух испортить и то по разрешению Командира. Утрирую, конечно. Но вся работа – не выделяться из толпы. Вот и лица у всех нас – безликие. Увидел, отвернулся, забыл. А вот на этот безликий образ манекена, в зависимости от задания, обстановки, и надеваешь образ. То пастор, то стоматолог распутный, сейчас... Изучу задание. Изучу обстановку. Будем думать.

Сменив трое такси, пошатавшись по центру, по различным кафешкам, прибыл на свою квартиру.

Первое – осмотр квартиры. Не было ли гостей непрошенных. Сор, специально оставленный на входе. На столе

несколько крошек. Осматриваю ноутбук. Включаю фонарик на смартфоне. Перед выходом обработал ноутбук специальной пастой. Она бесцветная, без запаха, только когда высыхает и ее тронуть даже чуть-чуть, то в определенном спектре волн она светится розовым светом. Не тронуть – не светится. И вмонтирована у меня специальная лампочка в телефон. Определить, нанесена паста или нет, тоже нет возможности. Так что и в нашем арсенале есть кое-какая шпионская техника.

Все как положено. Проверка почтового ящика. Спам, переход по ссылке, номер анкеты старой уродливой азиатки необъятных форм. Перенос на мобильный телефон. Раскодировав сообщение, закуриваю. Конечно, я во многих переделках был, но то, что мне предлагалось, – чистой воды безумие, или меня списали со счетов, помножив на «ноль».

Шеф не шутил. Встреча в одном из криминальных районов Лейпцига – Eisenbahnstraße. Турецкий район. Нашпигован исламистами, наркоторговцами, подпольными борделями, можно прикупить там все, что нужно для бандитских перестрелок, угнанные машины. Много чего. Полиция туда без надобности не лезет. А если и приезжает, то на четырех-пяти машинах.

Район выбран грамотно. Полиции там мало. Это хорошо. С другой стороны, после того как в США в башни-близнецы врезались самолеты, контроль усилился. А один из пилотов-смертников был выходец-исламист из немецкого города

Бохума, что на границе с Голландией. После этого усилилась агентурная работа полиции и спецслужб среди мусульманских полужакрытых общин. А муниципалитеты понатыкали камер видеонаблюдения в этих кварталах и окрест них. Это плохо. Разработчики напланировали такого! Нет пошаговой разработки. Нет резервного плана. Нет связи. Нет прикрывающего. Нет канала передачи информации. Нет вообще ничего!

Спокойно. Спокойно! Ты – разведчик! Значит, человек без нервов. Отключи эмоции и включи мозг! Кури! Думай! Анализируй! Да успокойся же наконец! Сопли развесил! Соберись и думай!

Что известно? Как в задачке – «Дано». Есть тело – Рихард Ланге. Вот фото его. Правда, чуть больше 20 лет прошло. Вот предполагаемый портрет. Его состарили. Предположительно состарили. Волосы пореже. Залысины побольше. Морщины.

Фото из газеты. 20 июля 2009 г. Крупное ДТП на трассе А2. 250 машин столкнулись после сильного дождя. Пострадали 66 человек. Среди пострадавших члены семей японских дипломатов в Германии. На дальнем плане стоит машина посла, возле нее водитель, он не в фокусе. Фотография размытая, увеличена, частично восстановлена. Рассматриваю. Похож на фото в молодости. Осанка офицерская, спина прямая, короткая стрижка, на голове фуражка – козырек на два пальца от бровей. Военная косточка. Это не пропьешь.

Налил себе в стакан рома. Отхлебнул. Закурил уже сигарету. Не привычен я к сигарам. Вглядываюсь в фотографии. Думаю. Что же, Рихард, тебя подтолкнуло выйти на связь с теми, кого ты ненавидишь лютой ненавистью? А?

Они разлучили тебя с любимой женщиной. Насильно за вербовали. Просто так вербовка не дается, ее закреплять надо. Это не просто кивнул, что ладно, мол, я стану вашим тайным осведомителем. Тут на своих товарищей надо выдавать компроматериал. Договор с Дьяволом кровью скрепляется, и нужно переступить через себя и понять, что своих же друзей закладывать будешь. Некоторые после этого стреляются. Ломаются люди.

А сам здесь? Зачем? Почему? И сумма... Очень небольшая. Судя по характеристикам, черт знает какой давности, ты не был сутягой. И отверг деньги, которые опер тебе предлагал. Почему отверг вознаграждение? Из благородства? Из брезгливости? И опер ничего не написал в твоём личном деле. А должен был написать. Непонятно.

Если кто-то болен из твоей семьи, нужны деньги на лечение, то сумма гораздо меньше. В Германии хорошая медицина, и своих граждан, имеющих страховку, лечат неплохо. Так зачем, Рихард, тебе такие суммы? Ты же не дурак, должен понимать, что просто так тебе ничего не дадут. Может, японцы тебя раскололи и решили через тебя нам дезу подсунуть? А? Или того хуже – БНД-ЦРУ игру затеяли? Не понимаю.

Мало исходных данных. Их вообще нет. Фильтр жжет пальцы, тушу в пепельнице, беру новую сигарету в рот. Здесь, в Бразилии, хоть сигареты относительно дешевые. В Германии дорогие, там о здоровье населения заботятся. И с собой не протащишь бразильские сигары и сигареты. В Европе нужно курить европейские сигареты.

Встал, размял затекшую шею. Поставил чайник. Надо попить кофе с ромом.

Самое поганое в этой истории то, что как пошли провалы, так и Ланге всплыл. Что за дерьмо такое! Как мутная вода, так всякая кака рвется наверх. Эх!

Про даму сердца известно еще меньше. Типичная биография советской девушки. Школа, отличница, активистка, комсомолка, золотая медаль. Родители разведены. Мать библиотекарь. Институт в Ленинграде. Любовь с Ланге. Отказ от вербовки. Изгнание из института. Возвращение домой. Смерть под колесами автомобиля. Непонятно. Сама? Несчастный случай? Или помогли? Расследование не проводилось. Тогда была волна самоубийств.

Я пересел на другой стул, откинулся на спинку, пустил струю дыма в потолок. Это помогает взглянуть на событие с другой точки зрения. Так, говорят, Уолт Дисней делал. Иногда действительно помогает.

Пытаюсь собрать полученную информацию в кучу. Соединить мозаику воедино. А вот не получается!

Вот тебе и новые аналитики. Командир был прав. Любой

более-менее опытный разработчик вкупе с аналитиками соберет информации в миллион раз больше. О том, что Ланге был в Питере в 1992 году, вообще одно предложение. И ведь кто-то подписал эту операцию. Видать, тоже дилетант. Ха-на разведке. Мальчишки-мажоры будут черпать информацию, выдавая ее за истину, полученную от высокопоставленных источников. Плавали – знаем. Так было после 1991 года. Ну да ладно.

Потряс головой. Сделал глоток давно остывшего кофе. Читаем дальше. Связной, тот, что пойдет на встречу с Ланге. Михаэль Шмидт. Оперативный псевдоним Леманн. Ну Леманн, так Леманн. Возраст. Описание. На вербовку шел неохотно. Информацию давал исправно. Законсервирован. Из «спячки» вышел легко, охотно. Предложено вознаграждение в тысячу евро. Готов.

Что же он может? Оперативная работа. По-«мокрому» не работал. Широкий круг связей. В том числе и среди турецкой общины. Подозревается в связях с криминалитетом. Ну и хорошо, если что, поможет «отлежаться» или уйти быстро и тихо. По обстановке.

Задание. Оно тоже размыто. Необходимо прибыть в Париж. На железнодорожном вокзале в ячейке №... забрать новые документы, одежду и тридцать кредитных карт на подставные имена. К ним прилагается список с пин-кодами. На каждой карте – 100 000 евро. Итого три миллиона евро, и еще аванс в пятьдесят тысяч евро. Эту карту кто-то передаст

Леманну.

Конечно, можно помечтать о такой сумме. Можно и при-
своить. Последняя командировка. Получить никчемную ин-
формацию, Конфуция и Леманна – в расход. Обналичить
виртуальные евро в натуральные. Деньги на карман. А даль-
ше – по обстановке. Вернуться в Москву, пройти полиграф
(стандартная процедура после возвращения домой), напи-
сать кучу отчетов, отгулять отпуск, пройти ВВК, с поче-
том, цветами, грамотой от Директора, уйти на пенсию. Через
три года начать легализовываться с украденными деньгами.
Можно и сразу «встать на лыжи». Потеряться в этом мире я
умею. И жить-поживать, покачиваясь в гамаке на солнышке
на берегу какого-нибудь океана или моря. Сигара, алкоголь,
женщина, три миллиона евро. Красота!

Эх! Только, кто знает, а если меня таким образом провер-
яют. И в Центре все в порядке. Потапыч приехал для созда-
ния атмосферы паники. Задание тоже липовое. И смотрят,
клюну я или нет. А стоимость всех этих банковских карт –
грош. Цена пластмассы, из которой она сделана. Пустышка.
Фук! И сгорел! А на квартире меня будет ждать коллега. И
приказ у него действовать по обстановке. Либо ликвидиро-
вать на месте, при попытке украсть деньги, уничтожив иден-
тифицирующие признаки личности, либо, похлопав по пле-
чу, закатиться в ближайшую пивную и затем вместе вернуть-
ся домой.

Как уничтожить признаки? Да просто. Самый простой

способ – лицом вниз, ладони кверху, под голову. Между головой и руками – граната. Размещается напротив рта. Выдергивается кольцо, и через шесть секунд обезглавленное тело без кистей рук. Все шрамы у нас на теле зашлифованы пластическими хирургами. Даже если тебе удаляли аппендицит, то шрам сделан так, что невозможно определить, в какой стране и когда делали операцию. У каждой страны своя медицинская школа. И разрез при стандартной операции, шов – как отпечатки пальцев. Толковый специалист определит, в какой стране и когда была сделана операция. Поэтому и шлифуют... Заметные родинки удаляются. Да и нередко случаи, когда и лица многократно переделаны. Мама родная не узнает. Вроде и похож отдаленно, но Федот, да не тот. Уши они тоже как отпечатки пальцев. Вот и уши почти у всех переделаны. Немного, правда. При работе с трупом патологоанатом скажет, какие операции были, что исправляли, и даже попытаются восстановить первоначальное лицо. Поэтому лицо надо уничтожать, равно как и отпечатки пальцев.

Так что не будем дергать удачу за хвост. Есть задание – надо исполнять. Задание – боевой Приказ. При приеме на службу давали расписки, по которым могли ликвидировать при невыполнении или срыве задания. Много чего еще подписывали. Сама служба приучила не обсуждать, а выполнять. Можно только задавать вопросы, как лучше выполнить Приказ. Твоя жизнь и здоровье – не в счет.

Что же мне предписано? Пройдемся. Документы забрал.

Одежду забрал. Я не суеверен, но добрый знак, что придется посетить вокзал Монпарнас. Отчего так? На этом вокзале была авария давным-давно. В конце XIX века у прибывшего паровоза отказали тормоза, он пробил тупиковый тормоз, стену и рухнул с десятиметровой высоты. А в Бразилии установили памятник-макет. Из трубы паровоза валит пар. Туристов там тьма. И там очень удобно проводить моментальные встречи или фиксировать, жив ли источник. Да и от наблюдения отрываться в такой толпе тоже удобно. Из Бразилии прибыл, и первый визит на такой вокзал. Да, и шумный он, всегда много людей, и это хорошо! Метро тоже имеется. С толпой приехал, в толпе растворился и исчез.

Одежду, документы необходимо сложить и оставить в другой ячейке. Уже на Лионском вокзале. Там тоже многолюдно, станция метро. Удобно.

Как и по прибытию в Рио, я оставил одежду и документы на пастора и стал весельчаком-распутником из Парижа. А вот после этих обязательных процедур, мне предоставляется свобода выбора транспорта и маршрута до Лейпцига. Только вот про легенду ни слова. Это плохо. Если документы на разнорабочего из Восточной Германии, то подозрительно летать самолетом. Если поездом, то с пересадкой в Берлине. Если автостопом по Европе – возраст не тот. Подозрительно. А на машине? Может быть, на арендованной. Угнать можно. Но нужно ли? Вот в чем вопрос. Через границу ехать на ворованном авто – рискованно. На границе сейчас проверя-

ют крайне редко. Но если номер угнанной машины занесут в компьютер, то он может «выскочить» на границе. Угнать можно на час-два, затем бросить. А так кататься – рискованно.

Что еще по заданию? Да, все то же, что Шеф вещал. В идеальном варианте – отследить, отфиксировать встречу, записать ее, проанализировать. Встретиться с Леманном, забрать информацию, в зависимости от важности, с Конфуцием эвакуироваться в Россию. При отказе от эвакуации действовать по обстановке. Либо отдать деньги Рихарду и убыть на Родину, либо ликвидировать Ланге, деньги и информацию привезти домой. По Леманну – по обстановке. Можно и «зачистить». Они в Центре совсем с ума сошли? Я же не мясник и не киношный разведчик, который расстреливает все, что движется.

Ладно, был бы конкретный приказ на ликвидацию. А здесь – на мое усмотрение. Могу стрелять, могу не стрелять. Догадываюсь, что мне в сумку они забудут положить оружие. Тащить его через границу – безумие, несмотря на то, что в Европе все спокойно, полицейских мало, они не спрашивают просто так у прохожих документы, как в Москве. Но там целая система своих уловок. Газоанализаторы на вокзалах и крупных центрах. Они улавливают запах пороха, ружейной смазки взрывчатки. Всюду стоят камеры. Автоматически выделяют и сигнализируют о скрытом ношении оружия. Тогда уже подключается полиция и охрана. Преступный элемент

знает это, поэтому и сидят в своих гетто и не сильно высываються наружу, знает, что поймают.

Еще несколько часов я рассматривал различные варианты. В сотый раз перечитывал послание. Вглядывался в при-сланные фотографии. Рассмотрел покойную девушку. От нее началась эта история. От ее любви с капитаном. Не было бы любви, не было бы и последствий. И была бы ты жива, Татьяна. Училась же, изучала экономику. Сейчас была бы уже почтенная мать семейства или бизнес-леди. Училась-то хорошо – из провинции, они зубами грызут гранит науки, есть шанс вырваться из нищеты, и они его не упускают. Жаль, девочка, очень жаль, что так все сложилось. И мне придется лететь на встречу к твоему возлюбленному. Только вот вопрос – зачем? Кто он? Какой он? Для чего ему шпионские игры? Он же, когда был в России, не выходил на связь. Хотя мог бы. Сейчас-то ему зачем все эти приключения на его седую голову? Он хороший человек, а Татьяна? Зачем ему три миллиона? Он не понимает, что убивают за меньшую сумму? Эх, Таня, Таня! Что же ты наделала-то? И с собой, и с нами. Как месть сквозь десятилетия за поруганную любовь и оборвавшуюся жизнь! Ладно, спи спокойно, дорогой товарищ! Да упокоится душа твоя!

Ноги на столе, в одной руке смартфон, в другой – стакан с ромом. Приподнял стакан, показал его фотографии покойницы, выпил за нее. Удалил из телефона всю информацию. Умылся – спать.

Через сорок часов я был в Лейпциге. По документам я стал Александр Гольдман. Спасибо, что немецкую фамилию присвоили, а не еврейскую. Тогда бы мне пришлось добывать документы самостоятельно. Несильно жалуют евреев в оттоманском гетто. И выходило, что я – электрик. Тоже неплохо. Зато есть легенда, под которой я проникну в турецкий квартал.

Комплектов документов несколько. Мое лицо на фото. Не одна и та же фотография. Несколько старше, моложе. Разная одежда. С легкой улыбкой и без. Лицо усталое, лицо счастливое. Прически разные.

Ночью в Рио я придумал несколько ходов. Необходимо оборудование. Посетил пару детских магазинов в Париже. Взял игрушки и оборудование для детской комнаты. Побывал в компьютерных магазинах. Тоже прикупил. Везде понемногу. Не стоит привлекать к своей персоне излишнее внимание. Я же скромный электрик из Лейпцига, а не олигарх-террорист.

Все можно это было и в Германии купить, только есть правило «не гадь, где живешь!» Да и если пойдет что-то не так, то сложно будет отследить магазины в которых совершались покупки.

Из кафе в Париже, где есть сеть Wi-Fi, вышел в Интернет, ознакомился с магазинами секонд-хенд спецодежды, попросил отложить кое-что. Также узнал, что несколько компаний продают свою автотехнику. Если покупаешь со старым ло-

готипом фирмы, то на 150 евро дешевле. Хорошая экономия для семейного бюджета. Связался, попросил на сутки отложить для меня фургончик. Его потом легко переделать под семейный микроавтобус. Конечно, плохо, что он бензиновый, а не дизельный. Бензин сейчас в Германии дорог. Дизель дешевле. Но ничего не поделаешь – уж больно хорош!

Пока летел, ехал на поезде, знакомился с новостями, что произошли за время моего отсутствия в Африке. Получалось, что не обманывал меня Шеф. Действительно, наших дипломатов высылали из различных стран. А кого не высылали, то устраивали одно ДТП за другим. И схема везде одна и та же. Пьяный русский дипломат сел за руль и сбил мирно прогуливающегося аборигена. Знакомый почерк. Они, помнится, впервые подобное в Канаде обкатали. Тогда и грязью нас поливали все кому не лень. И все русские алкоголики и убийцы. И объявляли дипломатов – кадровых разведчиков экстра-класса персонами нон грата. Очень удобно и эффективно. Двух зайцев одновременно убивали. Пьяницу-дипломата, который сбил человека, уже ни одно государство не примет. И такого засвеченного в нелегалы не переведешь. Вот и сидели зубры разведки на разработке. И становились «слонами» – отработанным материалом. Слона за версту видно.

А трюк с прыжком на капот и последующим откатом выполняли спецназовцы. И весь мир верил в эту версию.

Просматривая хронику тех стран, из которых выгоняли

наших под прикрытием дипломатической крыши, и соседних стран, удивился всплеску насильственных смертей. Как в результате ограбления, так и несчастных случаев и ДТП. Углубляясь, рассматривая снимки погибших, понимал, что нанесен непоправимый ущерб Организации.

Я видел глубоко внедренных агентов. Самому приходилось с ними работать, в том числе и «контролировать» операции. И двух нелегалов увидел... Я не должен их знать, но, так получилось, знал. И вот их нет. У одного шесть ножевых ранений, у другого – семь пуль в теле. Свидетелей нет.

Шесть. Семь. Шесть. Семь. Шесть. Семь. Крутилось в голове. Неужели – счет?!

Снова углубляюсь в дебри свалки информации под названием Всемирная паутина. Есть! Два выстрела при ограблении. Наш! Один и три не нашел, зато нашел четыре и пять!!! Все наши! Из наших рядов.

Плохо! Отвратительно! Противник незримо оказывает психологическое давление. Смотрите. Сколько отверстий в теле – такая по счету и жертва! Бойся! Думай, сколько в тебе наковыряю дырок!

А ДТП, интересно, за сколько идет? За десять или как? Тьфу!

Противник заставляет отвлекаться, думать не о задании, а гадать на кофейной гуще! А это плохо! Должен думать только о задании. Только как выполнить приказ, и больше ни о чем!

Если так все печально и траурно, то Потапыч прав: помощи ждать неоткуда. Главное, чтобы они не ловили на живца, то есть на меня. Запустили такую пенсионерскую торпеду, которую пора сдавать в утиль, а сами наблюдают, кто клюнет. И тогда можно брать в плен и наносить ответный удар. А чувствую, что счет-то не в нашу пользу. Не в нашу. М-да, кто-то из четверых пропавших не тридцать серебряников заработал – гораздо больше! Будем надеяться, что команде «чистильщиков» из Департамента Собственной безопасности удастся ликвидировать «крысу». Желательно небыстро. Способов много. Главное, чтобы была цель.

М-да уж. Контролирую мимику лица, жесты. И если окружающие видят, что у меня лоб и шея блестят от пота, а им прохладно, так они должны думать, что это от просмотра порнографии. Старый извращенец. Вытереть платком пот. Удалиться в туалет. Пробыть там пять минут. Потом снова усесться на свое место и уже удовлетворенно вытереть пот. Я никому не интересен. Поезд несет меня сквозь ночь в Берлин!

С детства эти слова ассоциируются с хрониками великой войны. А сейчас... Я был в Берлине много раз. И знаю там, как отрываться от слежки. Знаю много кафе. Знаю, где есть хороший кофе. И спрятан у меня там неучтенный запас оружия и денег. Есть и комплект документов, про который только я знаю. Все не в одной куче хранится. Кто знает, вдруг землетрясение и тайник рассыпался. А там и фотообличие

мое, оружие, деньги. Явку с повинной писать не надо, факт налицо – террорист, или шпион. Если ты в современном мире террорист, то тебя будут жалеть, помогать. А вот если шпион иностранной державы, то ты уже никому не нужен. Сиди и мечтай, что вдруг и тебя обменяют или отправят отбывать срок у себя на Родине, чтобы не кормить за чужой казенный счет. Но ты должен быть очень сильным разведчиком. Если ты рядовой или пенсионер, то считай, уже списали с баланса. Не питай иллюзий – за тебя особо биться не будут. Хлебай баланду да отбивайся от сексуально озабоченных сокамерников и молча улыбайся следователям, которые, создавая тебе невыносимые условия в тюрьме, манят пряником – свободой. Только сдай все, что ты знаешь. И выйдешь на свободу с запятнанной совестью. И необязательно возвращаться тебе на Родину, потому что тебя списали уже по акту как не представляющего оперативной и исторической ценности. А если и расскажешь в минуту слабости и выйдешь за тюремные ворота, то новые хозяева к тебе будут питать чувство брезгливости. Предателей все презирают. Таков закон диалектики.

Ну, а свои же могут и убрать в назидание другим сотрудникам. И сам ты рад будешь смерти, потому что без Родины – ты навоз засохший. Все пинают брезгливо. И никому ты не нужен. Молчи или умри. Вот и весь выбор.

И даже если ты и ушел как Колобок сам, то и ломаного гроша за твою голову никто не даст. Свои будут гоняться,

чтобы ты не раскрыл рта и не смел шантажировать Организацию. Вчерашний противник будет гоняться за сведениями, полезными ему. Ну а если ты вдруг надумаешь добровольно продаться... Судьба Шевченко очень показательна. Был такой представитель при ООН от СССР. Сдох как пес в дощатой конуре. Без денег, имени, семьи, Родины. Деньги очень быстро кончаются. И ты уже никому не нужен. Будь сильным – умри. Или молчи!

В Лейпциге мне зарезервирована комната. Почти напротив окон квартиры, где будет происходить встреча. Посмотрим. Но что-то мне подсказывает, что эта комната будет «засвечена». Слишком много провалов. А если меня хотят использовать как живца, но дали свободу действий, так отчего напоследок не поимпровизировать. Я не похож на специально подрезанного барана, привязанного к столбику с тем, чтобы на него вышла стая волков. Да и команды такой не было. Приказ был иной. Вот мы его и будем выполнять с «поправкой на ветер».

И началась работа! Район Eisenbahnstraße. Старые, еще с гэдээровских времен дома, обветшалые строения, что-то вроде наших «хрущевок», но чуть получше. Изрытые улицы – меняют трубы. Много строительной техники, много рабочих. Вдоль стен домов стоят, сидят на корточках турки. Мимо снуют женщины. Много женщин в мусульманских одеждах. Есть даже в чадре. Черная сетка закрывает лицо. Некоторые в перчатках. Жуть!

Хотя... Вспомнился анекдот: «Вопрос: Чем мини юбка схожа с паранджой? Ответ: И та и другая скрывает некрасивое лицо!»

Хотя, с другой стороны, некоторым немкам не помешала эта сетка на лицо. Уж такие страшные! Бедные девочки! С такими лицами жить! Поезжайте в Бразилию, там дешевые пластические хирурги. Винить немок не в чем. Пятьсот лет немцы сжигали самых красивых женщин, обвиняя их в колдовстве. Как красивая девушка кому-то отказала в сексе – сжечь! А если красивая, но не отказывает в любви никому, а потом беременеет – сжечь, она понесла от дьявола! Дьявол-то причем тут, если сами обрюхатили, и алименты платить не желаете?! Какие хитрые были эти средневековые немцы! А после того как уничтожили красивых дам, тоскливо стало. Вот и ударились в науку, в войну, чтобы полонянок прекрасных себе привозить. Ну а в технику и науку по той же причине ударились. Нужно же руки чем-то занять. И голову отвлечь тоже.

Странно. Вроде как и в Германии. Вон, всего несколько кварталов, а как будто попал в нищие кварталы Стамбула. Местный колорит. Немецкого здесь мало. Одет я не так, как пойду на задание. Рекогносцировка.

Вот и дом, в котором будет встреча Леманна и Конфуция. Четвертый этаж. Окна, окна. Грязные окна. Грязные, обветшалые стены. Через такие стекла в случае наблюдения со стороны не особо что увидишь. А вот и окна той квартиры,

что мне забронировали. По диагонали, дом напротив. Толку-то. Увидеть из-за грязных стекол не увижу. Услышать тоже не услышу. Есть такая вещь, благодаря кино, – лазерный микрофон. Но кино есть кино. Там направил луч лазера на стекло и слушаешь, что в комнате происходит. Это в кино.

Для наглядности стоит привести такую историю, что была в начале девяностых. Один из коллег, который ушел сам на пенсию, стал поставлять на рынок СНГ спецтехнику для прослушки, наблюдения. Много чего он стал привозить из-за границы. И вот узбеки к нему обратились. Можно слушать через стекло? Можно. Слушайте. Демонстрационный показ. Все в восторге. Показал-обучил. Все понятно? «Канечно, уважаемый! Ми все поняли!»

Через неделю присылают за ним самолет персональный от самого председателя КГБ Узбекистана, или как он тогда у них там назывался. Прилетел. Уважил уважаемых людей. Они злые как собаки. От восточного радушия и гостеприимства ни следа. Гавкают на него, мол, подсунил негодную технику за огромные деньги! Обманщик! Плут! Брат шайтана!

Закурил мой товарищ, говорит, ну, что товарищи узбеки, давайте разбираться! Везут его в город на большой черной машине. Два квартала пешком. Вот, говорят, на девятом этаже этого дома живет объект оперативной заинтересованности. Мы его хотим слушать. Хитрый как шакал. По другому никак. Вот поэтому и купили у тебя эту шайтан-машину! А она не работает!

Приятель мой посмотрел наверх, щелчком отбросил окурок в сторону. И как, говорите, вы слушаете своего врага? А, вот так! И товарищи узбеки из машины, припаркованной возле дома, направляют луч в окно врага узбекского народа. И не слышим! Забирай, говорят они, свою машинку и отдай нам наш чемодан американских зеленых бумажек. Отставной разведчик усмехнулся недоброй улыбкой и пошагал прочь, не говоря ни слова. Пришел к своему товарищу, с которым вместе учился когда-то, а тот высокий пост в номенклатуре госбезопасности Узбекистана занимал тогда.

Высокопоставленное лицо узбекской национальности в ярости встречает своего боевого товарища. Казематами восточными грозит. Ногами топает. Показывает, как во дворе уже кол готовят, чтобы посадить на него моего друга.

Приятель снова закурил. Пепел стряхивает на ковер дорогой. И молвит ему, мол, как ты был в Школе двоечником, таким и остался. И помрешь таковым. И дети твои будут такими же, и внуки, и правнуки тоже. Физику в школе изучал? Ну да. И чертит тогда приятель им простую диаграмму. Угол падения равен углу отражения. И если вы с земли стреляете лазерным лучом в окно девятого этажа, то отраженный луч нужно ловить где-то в космосе.

У высокопоставленного лица челюсть отвисла. Товарищ мой аккуратненько затушил окурок о стол письменный дорогой ручной работы, только тогда в сознание пришел хозяин кабинета. Это, говорит, тебе на память, чтобы подумал

триста раз, прежде чем меня с работы по пустякам дергать. И за ложный вызов с вас двадцать тысяч американских долларов. У меня сделка из-за вас сорвалась в Москве. Выдали ему требуемую сумму без расписки. Откланялся мой знакомый и отбыл восвояси.

Так вот и здесь у меня в Лейпциге не получится, чтобы угол падения равнялся углу отражения. Приемник нужно относить метров на пятнадцать-двадцать. Только времени нет, да и подозрительны все эти манипуляции будут в турецком квартале. И сама квартира мне тоже как-то не по душе. Не знаю почему. Интуиция. Седалищный нерв чувствует там опасность. А за годы командировок я научился доверять этому скрытому беспокойству.

Спина, загривок покрылись испариной. Не надо ходить в эту квартиру. Если бы все в Организации было спокойно, операция проработана детально, то я бы и не пикнул, пошел по этому адресу. И в случае провала моя вина минимальна. Я действовал в соответствии с инструкциями Центра. Ну а коль мне предоставлена свобода выбора, значит, и буду выбирать. Я увидел многое из того, что должен и хотел бы увидеть.

Через два часа, в другом обличье, на потрепанном фургоне с логотипом электрической компании на борту, прибыл снова на место. Трубы все еще укладывали, производя много шума. Скучающие турецкие мужчины и мальчики наблюдали со стороны.

С ящиком инструментов я пошел вдоль улицы, заходя в подъезды. Бр-р-р! Мусор лежит везде. В пакетах. На площадках. Вонь. Есть контейнеры для мусора. Различных цветов. Для сортировки мусора. Пластик, стекло, бумага, бытовые отходы. Но турки не сортируют. Все в одну кучу и рядом с контейнером. Немцам надо – вот пусть и копаются в мусоре. Мы – гордая нация! Не будем!

Видимо, для того чтобы отбить вонь от разлагающегося мусора, местами пахло паленым навозом – гашишем, марихуаной. Почти все углы, находящиеся в тени, пахли мочой.

Я осматривал вводные щитки, проводку. Сразу был окружен несколькими местными. Сначала мальчишками, потом подошли взрослые. Они боялись, что буду отключать должников за электроэнергию. Или буду искать незаконное подключение к электросети.

Даже неспециалисту видны такие подключения. В обход счетчиков. Местным властям, видимо, не хочется связываться, чтобы не обвинили в национализме, притеснении и негуманном обращении с... С обитателями трущоб.

Объясняю, что, мол, граждане мигранты, не волнуйтесь. Мы планируем менять проводку. Время подходит. Все будет бесплатно. Вот, сверяю проводку на месте с планами. Может, какие изменения были. Меня интересовали как чердаки, так и подвалы.

Я мог проникнуть куда угодно. Двери в квартирах стандартные. Замки – простейшие. Изношенные. Открываются

несложно. По крайней мере, на первый взгляд.

Спустя примерно час я подошел к квартире, где должна состояться встреча. Стандартная дверь, замок... Коридор пуст. Провожатые, поняв, что я не представляю для них никакой угрозы, отстали. Несколько раз я постучал в дверь. Тихо. Кнопка звонка отсутствует. Просто два оголенных провода торчат из стены. Замыкаю их. В квартире звучит «динг-донг». Тишина. Встреча завтра. Квартира пустая. Начали!

Отмычка. А какой же я разведчик без отмычки! Замок закрывается на три оборота. Изношен настолько, что приходится потратить несколько больше запланированного времени. Все, я в квартире.

Прихожая метр на два. Тут же совмещенный санузел. Когда-то он был облицован белой кафельной плиткой. Давно. Очень давно. Наверное, в 70-х годах прошлого столетия минувшего тысячелетия.

За санузлом сразу налево крохотная кухня на шесть квадратных метров. Прямо комната 12 квадратных метров, она же спальня и кабинет. В ней двуспальная кровать, шкаф, письменный стол и офисный стул на колесиках. Вторая комната – зал. Здесь диван, два кресла, телевизор старый на тумбе. Окно сбоку. Минимум вещей. Видно сразу, что квартира используется как гостиница и сдается зачастую по часам для парочек, которым нужно уединиться, или наркоманам, чтобы уколоться и забыться. Короче, и тем и другим. По грязным и пыльным углам валяются использованные презерва-

тивы различных размеров, цветов. Шприцы с остатками крови.

Но меня мало интересует гигиена таких мест. Знаю, что подобные помещения, в которых парочки уединяются для любовных утех, часто оборудуются камерами скрытого наблюдения. Потом либо шантажируют, либо сразу выкладывают в Интернет на соответствующие сайты.

Нелинейный локатор, который мотивированно присутствует в чемодане электрика, показывает, что камер и микрофонов здесь нет. Хотя не факт. Есть камеры и микрофоны, которые включаются по команде, а до этого находятся в выключенном состоянии или в режиме сна. А потом все зависит только размеров и источника питания. Включать можно по радиосигналу. Получать информацию тоже можно где угодно, хоть в том же клоповнике в Рио-де-Жанейро, ничем не рискуя.

Увы, сейчас не тот случай – времени мало. Устанавливаю камеры видеонаблюдения, что купил в Париже. У входной двери. Две на кухне. В санузле. Думаете, я извращенец? Нет. В туалете люди часто пишут SMS, разговаривают вполголоса по телефону, включив воду. Некоторые там прячут оружие. Сейчас там оружия нет. Хотя в умелых руках и несколько иголок от шприцев – очень опасное оружие. Но вряд ли «дедушкины консервы» практиковались несколько лет в этом искусстве. Параллельно устанавливаю скрытые микрофоны. Встреча, по-видимому, будет происходить в зале. Туда по-

больше «начинки».

Под шкаф в спальне прячу приемник сигналов, усилитель, передатчик. Все запитано стационарно. Не надо бояться, что сядут батарейки. Найти следы, даже если и обнаружат – сложно. Все серийные номера, шильдики сорвал, сточил. Сигнал от передатчика – цифровой. Радиус действия – тридцать метров. Хватило бы мне, если бы я пошел в заброшенную квартиру.

На все ушло около часа. Пот от напряжения льется ручьем. Мне еще на чердак нужно! Не в этом подъезде, а в следующем.

Там включаю аппаратуру, щелкаю по камерам. Все показывает. Микрофоны обладают хорошей чувствительностью. Соседи рядом с оборудованной квартирой громко разговаривают на родном языке, что является хорошим тестом для микрофонов.

Но не сидеть же мне здесь до встречи! Часть аппаратуры прячу на чердаке. Спускаюсь. Хочешь стать незаметным – одень униформу. Вот и сейчас я невидим для окружающих. Рабочий день строителей заканчивается. Мой, вроде, тоже как к концу идет. И в поношенной робе из секунд-хенда усталой походкой иду к фургону, который купил у электрической компании. Пусть не экономичный дизель, а прожорливый бензиновый двигатель. Зато более быстрый.

Отгоняю за три квартала. Переодеваюсь в фургоне. У меня даже нет комнаты в этом большом городе. Да и с жильем

сейчас напряженно. Ярмарка. Хорошее место для встреч. Здесь стенды издательств со всего мира. Агентства литературные. Писатели маститые подписывают книги. Литераторы начинающие снуют между стендами, пытаются пристроить свои гениальные нетленные произведения.

Самые лучшие, конечно, выставки – это секс-выставки. В Германии они проходят ежегодно, в различных городах. Берлин, Штутгарт, Трир. Вот там можно спокойно поговорить, передать хоть атомную бомбу в разобранном виде. Никто даже не увидит этого и ничего не заподозрит.

Все посетители увлечены экспонатами, моделями, роботами. Вот там – райское место для встреч с источниками и связниками.

Ну а сейчас, пешочком, ножками, два квартала. В Германии кварталы большие. Иду походкой усталого человека, возвращающегося с работы. Смотрю на часы. Есть время перекусить. Когда мне еще это удастся! Ужин плотный – сосиски с квашеной капустой, кофе.

Вот и еще одна моя машина. Поддержанный БМВ 5-й серии. Нет времени для угонов. Его я купил. Бак залит под горловину. Прячу машину среди тяжелой строительной техники, которая днем занималась укладкой труб.

Народу местного на улице много. Здесь же и многие питаются. Некоторые вытащили столы и семьями едят. Кто-то в стороне курит кальян. По запаху можно определить – явно не со смесью для кальянов – тетрагидроканабинолом. Воня-

ет издалека. Ко мне тут же подбегает местная шпана:

– Герр! Марихуана?! Девочки?! Мальчики?! Может, оружие?

– На мели я, пацаны.

Одет я в поношенную одежду. Непрезентабельно. Широкая куртка, свитер, штаны цвета хаки с множеством карманов, армейские ботинки. Все приобретено в магазинах поношенной одежды.

Небольшой грим изменил лицо. Стало больше землистого цвета, как зачастую у пьющих людей, опускающихся на социальное дно. Рваные перчатки дополнили мой гардероб. Не нищий, не бич, но уже на грани этого. И походка соответствующая. Шаркающая, опущенные плечи, руки в карманах, шмыгающий нос. Глаза поднимаются от земли только, когда прохожу мимо еды. Меня ничто и никто не интересует – только еда, выпивка, кров. Я почти старик. Но видно, что я все еще в форме. Широкие плечи не скрыть. Могу дать сдачи, несмотря на то, что почти старик в глазах местной молодежи.

Стараясь держаться ближе к стене, там тень, так легче просочиться в подъезд, двигаюсь к намеченному подъезду. В квартире, где будет встреча, нет света.

На чердак проник без приключений. Подключил аппаратуру. На входе навалил кучу всякого хлама, чтобы задержать непрошенных гостей. Два экрана планшетников мерцают в темноте. Вся информация записывается на съемные носите-

ли. В случае чего, бросается все на месте, ломается ногами, только специальные флэш-карты уносятся с собой.

За пятнадцать минут до назначенного времени прибывает Рихард Ланге, он же Конфуций, он же любитель русских женщин. Хотя его сложно винить. У него на родине так много крокодилиц.

Рихард прошелся по квартире, брезгливо провел пальцем по столу в кухне. Помыл палец. За отсутствием полотенца палец вытер об одноразовый платок. Платок бросил в ведро. Заглянул в платяной шкаф, вдруг там враг сидит. Открывал он его смешно: с кухни взял стул. Встал сбоку, с торца, кое-как вытянул правую руку и резко дернул дверь. Потом стулом попытался ударить того, кто мог выскочить из шкафа. Было видно, что он заметно нервничает. Постоянно вытирает пот. Открыл окно, потом закрыл его, задернул занавески, затем немного раздернул, чтобы воздух свежий поступал в комнату. Протер кресла, журнальный столик в зале. И все одноразовыми салфетками! Сколько у него их там?! Потом он надел перчатки и снова начал протирать поверхности, только уже там, где могли остаться его отпечатки пальцев.

Рихард похож на свои фотографии. Что в молодости, что нафотто из газеты. Жизнь, конечно, потрепала офицера. Голова седая, седые волосы уложены на идеальный пробор. Раньше стояли ежиком. Залысины. Глубокие морщины залегли на лбу, на щеках. Одежда отутюжена, но видно, что неновая.

Одет он был в длинную просторную куртку. На голове кепи. Не бейсболка, а именно кепи. Выправка неуловимо выдавала военного. А внешний вид... Я долго думал, подыскивая, на кого он похож. Так в кино изображают водителей английских сэров-пэров – чопорность, сдержанность, некая величавость, надменность.

Но вот он достал мобильный телефон. Разблокировал, нажал на зеленую кнопку вызова. Камера сумела зафиксировать, кому он звонит и номер абонента. Звук на полную катушку, ни одного вздоха не пропустить. Жаль, что камеры дешевые, плохо передают мимику.

– Алло! Это я.

Что говорит собеседник, не разобрать, слышно только по голосу, что молодая женщина. Я обратился в слух.

– Да, нет. Все тихо. Да. Квартуру осмотрел. Чисто. Не в смысле гигиены, с этим здесь наоборот – очень мерзко. Боюсь присесть на диван, чтобы не подцепить какую-нибудь заразу. Протер все вокруг. Да, я в перчатках. И район хороший выбрали. Сюда никто не сунется, а ты смотри улицу. Хорошо. Я сейчас раздвину шторы, и ты все увидишь.

Конфуций раздернул шторы. Правая рука с телефоном у уха, левой машет кому-то в окно.

– Видишь? Да, как договаривались, телефон я отключать не буду, положу в карман. Если что-то будет не так – немедленно уходи. Не жди. Уходи. – Голос с ласкового меняется на металлический, на командный, не терпящий возражений. –

Это приказ! Ты поняла?! Повтори! Вот так лучше. Это для твоей же и моей безопасности. Если тебя возьмут, то я сломаюсь. Ты – единственное, что у меня есть. В случае чего – сразу уезжай из города, встретимся, где договаривались. Если меня в течение суток не будет, значит, следует отправляться домой. И молчать. Заявляй в полицию о моей пропаже. Не раскисай. Все будет хорошо. Русские мне заплатят. За все заплатят, по полной. И будут еще благодарны. Наблюдай за улицей. Если что-то заметишь, то сразу на второй телефон звони или отправь SMS. Мне нужно собраться мыслями. Я на связи.

Он положил включенный телефон в нагрудный карман куртки.

Я курил, развлекался, глядя на экран. На голове – наушники. Одновременно отслеживал обстановку на чердаке. Не хватало еще, чтобы меня полиция или контрразведка повязала на чердаке. Ладно, можно попытаться соврать, что снимаю порнофильм про измену жене. По ее заказу. Ну не знала она, что муж не к любовнице ходит, а к любовнику.

То, что у Ланге есть сообщник, – предсказуемо. Может, это он надоумил его выйти на связь, та молодая женщина. О, я знаю массу примеров, когда из-за женщин мужчины творили глупости. И не такие глупости. Она наблюдает и в случае появления полиции, спецназа подаст сигнал. Дилетанты! Что они смогут сделать? Ничего. Только съесть ампулу с ядом, которой у них нет. Дети задумали поиграть с дураками

русскими? Хотя он сказал, что русские еще будут благодарны. Посмотрим.

Вопросов добавилось. Туман сгустился. Ладно, ждать недолго. Сунул в рот очередную сигарету. Знаю прекрасно, что нельзя в засаде курить. И курю. Пепел, окурки сбрасываю в заранее принесенную банку. Все унесу с собой. Сейчас они наловчились вытаскивать образцы ДНК почти из всех органических образцов. Кто их знает, может, и с фильтра изымут, с них станется. Точно знаю, что со следов губной помады не удастся вытащить. В ней содержатся жирные кислоты, которые наносят непоправимый вред образчикам. Но не мазать же мне губы помадой, чтобы покурить!

Ровно в назначенное время раздался стук в дверь. От неожиданности мы с Ланге одновременно подпрыгнули. Я вывернул потенциометры на максимальную громкость в надежде, что Рихард будет еще что-то говорить.

Ланге прошел в коридор.

– Кто там?

– Мне назначена встреча с Конфуцием.

– Откуда вы его знаете?

– От Сидоренко.

Пароль-отзыв. Все правильно. Как в письме прописано. Сидоренко – это тот опер, который испортил жизнь Рихарду своей вербовкой.

Вошел Леманн. Этот тоже похож на свои фото в молодости. Консервируют этих немцев, что ли? Ростом почти такой

же, как и Ланге. Только покрепче. Конфуций посуше будет.

Вошел. Руки в перчатках у обоих. Прямо как у Высоцкого «Вечно в кожаных перчатках – чтоб не делать отпечатков. Жил в гостинице «Советской» несоветский человек».

Леманн вошел, Ланге закрыл за ним дверь, предварительно выглянув в коридор.

– Куда?

– В зал. – Ланге показал рукой.

– Итак?

– Деньги у вас при себе?

– Аванс. На карте пятьдесят тысяч евро.

Ланге думал, внимательно смотрел в глаза Леманну.

– Вы нерусский. Вы – немец.

– Это что-то меняет?

– Я хочу встретиться с русским резидентом.

– Они хотят убедиться, что товар у вас соответствует. Вы мне передаете его или то, что может убедить русских в искренности ваших намерений, подлинности товара, что он непротухший, свежий. Тогда они сами или через меня передают деньги. Я правильно понимаю, что речь идет о немалой сумме, коль задаток – большая сумма. И они спокойно отдадут его, даже если вы их обманете.

– Русские мне должны больше.

– Это не мое дело. Разбирайтесь с ними сами. Может, поэтому они решили не спешить с вами встречаться.

– Когда вы встречаетесь с резидентом?

– Я не знаю, с кем буду встречаться, – честно ответил Леманн. – Это может быть точно такой же немец, как мы с вами. После встречи с вами я звоню по телефону, мне назначают встречу. Вот так.

– Русские, как всегда, хитры!

– Они осторожны. Неизвестно, что именно вы хотите им предложить или сразу оттащить БВ¹. Я понимаю, что у вас с ними свои счета. Но я здесь по делу, у меня здесь кредит-карт на 50.000 евро, подключен на специальный мобильный телефон мобильный банк. Хотите – удостоверьтесь, что деньги на карте. В пакете – пин-код от карты. Можете сразу проверить и перевести деньги куда захотите, можете позже обналичить. Так что давайте завершим часть сделки со мной.

– Давайте удостоверимся, что деньги на месте. Я не верю русским.

Леменн пожал плечами. Передал телефон и карту. Пакет не отдавал. Ланге начал нажимать кнопки на телефоне, вводя номер карты.

Если бы я мог кричать!!! В камеру было видно, как внутренний язычок замка начал поворачиваться. Кто-то тихо открывал замок. Раз оборот. Два оборота. Три оборота... Медленно. Тихо. Дверь приоткрылась. Рихард накинул цепочку. Секунда длится вечность. Неужели ушли? Кто это? Спина, руки и лоб у меня не влажные, а мокрые, во рту сухо. Я не могу предупредить агентов об опасности. Да и не успею фи-

¹ Федеральная служба защиты конституции Германии.

зически. Только наблюдаю и слушаю. Одним глазом за встречей, вторым – за входной дверью.

Ланге! Сволочь! Дрянь! Говори же уже! Что за информация!

Сам прикидываю, что если будут похищать, то как мне удобнее им сесть на «хвост». Мозг попутно просчитывает канал утечки. Кто? Откуда? Секунда заканчивается, в дверной щели показываются большие монтажные ножницы для перекусывания металлических прутков. Знаю, такие работают, почти беззвучно.

Собеседники не слышат. Они поглощены телефоном и картой. В прихожую входит женщина в чадре. Лица не видно. В руках объемистая сумка. С такими местные женщины ходят по магазинам. Там можно спрятать слона в разобранном виде. Сумку оставляет в коридоре, достает оттуда пистолет. Не просто пистолет! Такие я видел только в Центре. Немецкий пистолет, состоящий на вооружении в спецподразделениях армии и ВМФ США. Пистолет НК SOCOM Mk. 23 Mod. 0! С глушителем, лазерным целеуказателем!

Руки женщины или мужчины в платье в перчатках. Пистолет держит умело, двумя руками, да иначе и не получится. Все-таки два килограмма железа. Хоть и сбалансированного, но железа. Идет приставными шагами, прикрывается стеной.

Немцы ждут сообщения на телефон. Леманн сидит. Ланге делает вид, что затекла спина, встает, подходит к окну, раз-

махивая руками, машет рукой в окно.

Раздается шорох. Оба обернулись. В дверном проеме появился человек в женской одежде. Пистолет на уровне глаз, скрытых черной сеткой. С точки зрения специалиста, действовал грамотно. Сначала «двоечкой» уложил дальнего, у окна Ланге. Первый выстрел в колено, потом в грудь.

Понимаю почему. Чтобы тот не разбил стекло. Не позвал на помощь. В колено, чтобы пуля 45 калибра не выбросила тело на улицу.

Выстрел звучит, как и положено при стрельбе из пистолета с глушителем, – негромко. Он есть, но не оглушает, как, например, если стрелять из 45 калибра в такой маленькой комнате.

Тут же слитно звучат спаренные выстрелы в Леманна. Ему в голову тут же контрольный. Идя влобоборта, подходит к телу Ланге. На мой взгляд, тот мертв. Контрольный в голову, перекладывает оружие в левую руку, правой выворачивает карманы, кидая все на пол, что в них есть. Внимательно смотрю в надежде, что там я увижу что-то ценное. Ничего. Два телефона. Удостоверение. Ключи. Ничего!

Хлопает по карманам, по подкладке, насколько это возможно, прощупывает швы в перчатках. Рвет подкладку куртки. Ничего. Срывает ботинки. Там тоже ничего. Фигура в темном несколько раз бьет по зубам мертвому Ланге тыльной стороной пистолетной рукоятки. В стороны летят осколки зубов. Бьется мысль профессионала – неужели будет гра-

наты взрывать, чтобы замести следы личности?

Потом осматривает карманы Леманна. Ничего не находит. Повторяет процедуру с зубами покойного... Приносит сумку из коридора. Тела сноровисто укладывает лицом вниз. Ладони под лицо. Что-то продолговатое между головой и ладонью. Сбоку торчит то ли провод, то ли бикфордов шнур. Пистолет подкладывает под голову Ланге.

Достает из необъятной сумки... Однозарядный гранатомет М79! Переламывает ствол. Как у охотничьего ружья. Вставляет гранату. Поднимает прицел. Распахивает окно. Целится напротив... Оглушительный выстрел. Оглушительный для меня. Я сорвал наушники, разеваю рот, чтобы восстановить слух.

Не отрываю взгляд от экранов. Гранатомет человек оставил тоже в комнате. Сумку подобрал. Вышел из квартиры. Через пять секунд под телами запылали ослепительным светом термитные шашки. Все понятно. Он решил сжечь следы, заодно и, возможно, спрятанные в квартире материалы. Если не нашел ничего, то они могли быть в тайнике. Представляю я эти шашки. Через десять минут от квартиры ничего не останется. А вода здесь не помощник. Быстро кидаю в сумку свое оборудование. Банку с окурками не забыть. Кажется, что долго вожусь. У тети-дяди в парандже ушло на операцию три минуты пятнадцать секунд. Специалист высочайшего профиля! И то, что в руках у него был даже не Глок, а именно такое оружие, вызывает уважение. Американцы для

своих их закупили не больше двух тысяч. Правда, в бою, говорят, не очень удобные. И после войны в Ираке и Афганистане можно черта лысого достать, и гранатомет в том числе. Видно, отследили они Ланге с женщиной и ликвидировали свидетеля, сообщника.

Концы все оборваны. Наглухо. Я свою миссию не выполнил. И можно тихо отваливать домой. Видео материала у меня предостаточно. Деньги в целости-сохранности. Те пятьдесят тысяч, что сгорели, – не моя головная боль. Не мною они выдавались. Кто отдал, пусть и думает как отчитаться.

В доме поднималась паника. Невидимый в толпе, точно так же крича на арабском «Пожар», я спустился на улицу. Теперь – прочь.

Машинально взглянул на противоположный дом, по которому стреляли из гранатомета. Перехватило дыхание, ноги подламывались, и я прислонился к стене. Очередной сюрприз за сегодняшний день. Окно той квартиры, арендованной для меня, из которой я должен был вести наблюдение за встречами, было разнесено в клочья, и оттуда вырывалось пламя... Меня хотели убить. Они так и, возможно, считают, что я – труп. Концы в воду.

Перевел глаза на толпу у подъезда. Многие плакали, заламывали руки. От огня уже лопались стекла в соседних квартирах, и пламя с шумом вырывалось наружу. Спокойно. Только спокойно. Без суеты нужно удалиться. Не привлекать внимание.

Мимо меня, засунув руки в карманы, втянув голову как черепаха в панцирь, почти бегом, прошагала девчонка. Это сейчас могу сказать, что девчонка. Все, кто младше меня, уже мальчишки и девчонки. Примерно 27 лет. Светлые волосы. Куртка. Рюкзачок. Кроссовки. Что еще насторожило? Слезы в глазах? Нет. Пожар. Горе. Естественная реакция. Что же? Перекошенный рот. От рвущихся наружу рыданий. Их сдерживают. На последнем вздохе сдерживают.

Мне пока с ней по пути. Я чуть отстал. Вот она подходит к машине, села в нее, завела двигатель. Непохоже, что закрыла центральный замок дверей. Закрыла лицо руками. И рыдает. Пора.

Иду мимо, рву ручку задней двери за дверцей водителя. Повезло, не просчитался – дверь открыта. Прыгнул, дверь захлопнул, теперь следует зафиксировать девчонку на месте. Ремнем она не пристегнулась. Схватил левой рукой за шею и слегка придушил. Инстинктивно, руками она пытается открыть себе доступ воздуха. Правой рукой, без рывков, обертываю ремень безопасности вокруг тонкой шеи.

– Тихо!

Ремнем немного вверх. Руки ее не тянутся к рулю и коробке передач и клаксону. Ей нужно дышать. Профессионал бы бросил машину вперед или ударил по сигналу на руле, привлекая к себе внимание прохожих. А прохожих здесь уже много. Два больших криминальных пожара. И пожарные здесь, уже разматывают рукава. Полицейские сирены и сире-

ны «Скорой помощи» уже звучат неподалеку. Надо сматывать удочки.

Дамочка дергается.

– Я сейчас ослаблю ремень, и мы поговорим. Потом поедем и снова поговорим. Если согласна – кивни. Любой фокус – ты умрешь! Поняла?

Сильный рывок ремнем вверх.

Из последних сил, она кивнула. Ремень врезался в ее шею еще глубже.

– Без фокусов.

Ослабил ремень, готовый в любой момент снова ей затянуть, а если и понадобится, то затянуть до полной асфиксии.

– Как тебя зовут?

– Инна.

– Фамилия? Только правду!

– Ланге. Инна Ланге. Не давите на шею. Не убивайте меня.

– Я не убью тебя. Мне нужна информация взамен на твою жизнь.

– Хорошо.

– Что ты здесь делала? Правду!

– Я наблюдала за отцом. Я должна была слушать и смотреть. Если что-то пойдет не так, то бежать. А если все в порядке, то с ним съездить или сама и привезти бумаги. Потом отдать отцу.

– Еще что? Что ты должна делать? – Голос у меня грозный. Давить! Только давить на нее!

– Проверять деньги на подлинность, проверять кредитные карты, перечислять деньги с одних счетов на другие. Смотреть за улицей. Если появится спецназ или полиция, немедленно сообщить отцу. Если понадобится, то взорвать световую гранату. Даже если полиция меня поймает, то кроме мелкого хулиганства мне ничего не будет. Главное, отвлечь внимание от отца. Он уйдет, потом меня найдет и вытащит из кутузки.

– Почему выбрали этот район?

– Здесь редко бывает полиция.

– Что за бумаги? Что за бумаги ты должна была привезти?

– Вы меня убьете? Как папу?

– Что за бумаги?

– Скажите, вы меня убьете?

– Нет. Что за бумаги? Что в бумагах?

– План уничтожения части России.

– Какого уничтожения? – я остолбенел. – Откуда у тебя такая информация? Источник?

– Из японского посольства. Папа там работает... – всхлипнула, – работал в посольстве шофером много лет. Посла вози... возил. Оттуда.

– Какое уничтожение? Атомное? Война?

– Нет. Чума.

– Чего?

– Чума.

– Поехали за бумагами. Я посмотрю. Только тихо. Сей-

час ты поднимешь руки, я пристегну тебя ремнем. У меня пистолет с глушителем. Буду стрелять через спинку кресла. Только дернись! Где бумаги?

– На вокзале. Главном вокзале.

– Как поедешь?

Ехать недалеко. Но можно и нарваться на неприятности.

Она изложила маршрут.

– Поезжай аккуратно. Без фокусов.

– Вы убили отца?

– Нет. Где ты находилась?

Она описала. На пятом этаже. Позиция у нее была лучше, чем зарезервированная квартира для меня. Только стрелять в эту удобную позицию было неудобно. Я-то еще удивился, неужели не могли получше выбрать для меня? Они выбирали не для меня получше. Для гранатометчика выгоднее. С правой руки стрелять чуть левее от него. Значит, все было предreshено заранее. Вот, значит, какой расклад.

– В каком году ты родилась?

– В 1987-м.

Твою мать! Вот это расклад вытанцовывается!

– Где родилась?

– В Костроме. Это в России.

– Когда приехала в Германию?

– В 1992 году. Папа привез. Мама умерла.

Вот это дело!!! В руках был козырь, возьми девчонку, и Ланге пел бы как тенор в опере! Только Рихард стал шашлы-

ком. И козырь не используешь. И чекисты хороши! В 1992 году прозевали, что Конфуций под носом у них вывез дочь.

Контрольный вопрос.

– Как звали мать?

– Татьяна. Родители познакомились, когда папа учился в Академии в Ленинграде. КГБ их разлучил. Тогда нельзя было встречаться с иностранцами. Вы из КГБ?

– Рули давай. Вопросы я задаю.

– Отец хотел встретиться с резидентом. Бумаги есть бумаги. Он многое знал, этого в бумагах нет. Папы нет... Мамы нет... – она была готова снова разрыдаться.

Эмоция «горе» накатывает волнами. Не хватало нам сейчас в ДТП попасть или чтобы дорожная полиция остановила, или бдительный немец сообщил в полицию, что девица ведет себя неадекватно. За немцами это не заржавеет. Стучать у них в крови. Зато у них порядок. В России же стукачество – позорное занятие.

Кулаком ударил по спинке кресла.

– Веди. Рули. Руки с руля не снимать. Прямо смотри!!!

– Вы должны были отдать ему деньги!

– Зачем ему столько денег?

– У него нашли рак. На лечение нужно было. На реабилитацию. И мне обеспечить жизнь. А его нет... А...

– Руки на руль, дура! – я дал девице легкий подзатыльник. – Иначе сейчас свяжу и в багажник засуну. До утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.